

Русское наследие и Новороссия

Преображение не осуществится автоматически

Говоря о вкладе Новороссии в культуру большой России, стоит отметить, что это привнесение нужно понимать, прежде всего, как процесс оздоровительный, и только во вторую очередь – обогащающий и расширяющий границы российского культурного поля.

Военные действия и постоянное присутствие смертельной угрозы, тоталитарное давление на русский язык и на любое проявление принадлежности к русскому миру со стороны украинского неонацизма формируют особое, внутренне напряженное построение прозы и поэзии, которые приходят к широкому читателю из новых регионов. Обнаженное нравственное начало, готовность отстаивать правду, не щадя себя, зримо отличают эти произведения от множества современных текстов, отравленных либеральным эгоизмом и равнодушием к чужому горю, которые подобно моли источили корпус нынешней российской словесности.

Вхождение литературы Новороссии в пространство патристической или почвеннической литературы, традиционной и исполненной любви к отечественной истории и её достойным знакомым именам, осуществит воссоединение всех подлинно художественных сил страны и сделает либеральные тексты маргинальными реально, а не только риторически. Так мы получим свод поэзии и прозы в обновленном виде уже без оговорок, выступающих в роли издательского сита, которое просеивает произведения сквозь свои ячеи и в огромной степени затрудняет путь настоящей литературы к широкому читателю.

Разумеется, в перспективе современная проза получит сюжеты военного характера, но что, кажется, куда важнее – освоит на новом этапе темы послевойенные, в чем-то похожие на подобные книги, созданные

после окончания Великой Отечественной войны (в качестве первичного примера здесь стоит упомянуть давний роман Юрия Бондарева «Тишина»). Это позволит психологически переустроить нынешнего русского человека, измотанного беззаконными и развращающими правилами либерального толка, и поставить его перед необходимостью жить по нормам нравственным и духовным.

Заметим, что такое преобразование не осуществится автоматически после окончания СВО, должен быть некий навигатор, проводник, уводящий нашего современника от всего разрушительного и темного и ставящий его перед необходимостью выстраивать жизнь на здоровых началах. Таким навигатором может и должна стать современная русская проза, а новым воспитателем чувств – современная поэзия, которая, стоит надеяться, преодолет морок экспрессионизма и опыты деструктивного построения лирических стихотворений и вернется к ясности и образному благородству отечественной классики.

Вот почему соединение государственной воли и творческого вдохновения так необходимо в наше время. Русская литература таит в себе могучую силу, способную отринуть все болезненное и тлетворное и предстать перед читателем во всей полноте своих возможностей – с новыми героями, ярким, самобытным языком, неожиданными творческими решениями и бережным отношением к отечественной истории.

Вячеслав ЛЮТЫЙ

Мы знаем о фальшивке, приписываемой Лермонтову, под названием «Прощай, немытая Россия!». Не однажды было доказано, в том числе и мной, что этот оскорбительный для Лермонтова опус принадлежит борзописному пародисту девятнадцатого века Дмитрию Минаеву (оскорбительный одновременно и для Пушкина, т.к. Минаев спародировал его строку «Прощай, свободная стихия!»). Не говоря уже о том, что не существует лермонтовского автографа этой зарифмованной мерзости.

Но в русской литературе присутствует и также до сих пор входит в школьную хрестоматию и другая не менее оскорбительная фальшивка, приписываемая уже самому Пушкину. И речь вовсе не о «Гавриляде», от которой сам поэт не однажды отрекся. Речь – о десятой главе «Евгения Онегина», якобы Пушкиным сожженной, но некими стихотворными умышленьями «реконструированной». Кстати, её пушкинского автографа тоже не существует.

Пушкин действительно говорил друзьям, что он обдумывает план десятой главы и что уже есть её некоторые наброски. Однако строк, написанных его рукой, относящихся непосредственно к этой главе, никто не видел. Их нет. Но есть строки, ему приписанные, которые гуляли по рукам в Петербурге после его смерти и которые якобы вошли в его неоконченную десятую главу романа. Наиболее известными строками, вошедшими в учебники литературы, в пушкинские собрания и в различные литературоведческие исследования, стали, конечно, эти:

*Властитель слабый и лукавый,
Плешивый щеголь, враг труда,
Нечаянно приеретый славой,
Над нами царствовал тогда.
К противочувствию привычен,
В правах удавкой ограничен,
Лозой отеческой крещён
И барабаном просвещён,
Он как противник изувёрства
Припудрил прежний произвол
И перестройку произвёл –
Ввёл эполеты, министрства,
Тьму комитетов учредил,
А фран-масонов запретил.*

Ещё одна фальшивка

Валерий ХАТЮШИН

Пушкин и ложный примитив

Теперь уже все, кому не лень, эти строки цитируют как именно стопроцентно пушкинские. И всем, конечно, стало ясно, что речь в них идет об Александре Первом, т.к. далее в тексте говорится о войне 1812 года. Мало того, что в этой «реконструированной» главе о герое романа, Евгении Онегине, как и о других героях, не сказано ни слова. Но сама эта «глава» настолько оскорбительна для царя и русского самодержавия как такового, что будь она обнаружена при жизни Пушкина и будь она признана им своей, поэту грозила бы каторга.

Датирована эта глава якобы 1830 годом, осенью, когда Пушкин находился в Болдино. Как пишут некоторые «исследователи», она была поэтом зашифрована. И тут никуда не деться от вопроса: что же им, этим умышленьям, удалось расшифровать? Сожженный текст? Или сохранилась какая-то не сожженная зашифрованная рукопись? Вопросы возникают множество.

рении «19 октября» писал о нём совсем другое!
*Ура, наш Царь! Так!
Выпьем за Царя!
...Он взял Париж,
он основал Лицей!*
Оказывается, этот «враг труда» основал Лицей, о котором Пушкин с таким теплом вспоминал всю свою жизнь...

Те, кто имеет поэтическое чутье, кто много лет отдал поэтическому творчеству, перечитайте внимательно так называемую «десятую главу» «Евгения Онегина» – и вы увидите, почувствуете, что этот довольно примитивный и явно подражательный текст написан не пушкинским языком.

Фальшивки надо разоблачать, а нашу великую литературу надо от них очищать.

«Да он и человеком-то никогда не был, он был мужик, а мужиков на Руси много», – так говорил пахан воровской шайки, о только что убитом им бывшем поделнике бандитов Егоре Прокудине, убитом за то, что тот решил «выйти из дела» и «завязать», зажить честной трудовой жизнью крестьянина. Так заканчивается последний киношедевр режиссёра Василия Макаровича Шукшина фильм «Калина красная», фильм со сложной судьбой, изрядно порезанный цензорами, ведь речь там шла о жизни уголовного мира в тогдашнем СССР, и, заметьте, в картине не было обязательного в таких сюжетах мудрого и доброго следователя, образа честности и неподкупности. Нет, это была лента о судьбе простого русского человека, запутавшегося, но сохранившего в душе остатки совести. И вот этот последний фильм Шукшина, в котором он сыграл главную роль самого Прокудина, и стал, по сути, завещанием большого русского художника, писателя, философа сельской жизни, человека, который до конца своих дней считал себя мужиком, простым русским мужиком, «каких на Руси много», но сейчас, по прошествии полувекка после его ухода, мы всё больше и больше понимаем, что такого великого мужика мы уже вряд ли в современной России найдём. Действительно, нынешний год ознаменован двумя шукшинскими юбилеями: 25 июля – 95 лет со дня его рождения в старинном алтайском селе Сторости, лежащем на берегу быстрой Катунь, а 2 октября исполнилось полвека его безвременной кончины на Тихом Дону у станции Клетской, где он снимался в фильме Бондарчука «Они сражались за Родину» по произведениям Шолохова.

Между этими двумя датами легла жизнь незаурядного русского мужика – гениального художника, чувствующего, конечно, свою необычность, но изо всех сил стремящегося не отрываться от народа, не становиться над ним в позу всезнающего гения, нет, всю свою недолгую жизнь Василий Макарович жаждал оставаться этим вот деревенским жителем, только чудом занесённым на вершины искусства. Он ходил по Москве в сапогах, он балакал с экраном на мужиком алтайском наречии, вспомните его замечательный монолог с рассказом о любимом коне в фильме «Печки-лавочки», где он, к тому времени уже знаменитый и модный столичный кинорежиссёр, сумел представить зрителям настоящего русского чернозёмного мужика, которого нелёгкая занесла в столицу. Много говорили и говорят, что город в России поглотил русскую деревню, что жители деревень все как один стремятся бросить свою избу и стать горожанами – и такая тенденция действительно обескровила нашу деревню и тому есть исторические причины, но вот Шукшину по сердцу были другие мужики и бабы, те что вцепились в свою землю, в свои леса и поля, и света другого не видят кроме них, и не нужна им наша суета. Таких деревенских жителей Шукшин любил, их он делал героями своих фильмов и многочисленных рассказов.

Но, спросит меня привередливый читатель: почему же сам Василий Макарыч бросил в определённый момент своей жизни любимую деревню и подался в столицу за шумной славой? Почему он не мог, как тот добрый Филия из стихотворения Рубцова, тоже великого деревенщика, дуть в свою дуду на своих алтайских пастбищах. Да потому, отвечу я, что Филия тот рубцовский был молчаливый, забитый по жизни мужичок, не пытавшийся ничего сказать людям. А Шукшину хотелось многое чего до людей донести. И он это многое донёс до разума и сердца русского человека.

А Василий Макарович, или, как называли его друзья, Макарыч, был вовсе не прост и начало жизненного его пути было трудным, особый отпечаток наложило оно на становление его личности. Он родился в 1929 году – в страшный год всего русского крестьянства «год великого перелома», по существу говоря, в тот год, когда началось планомерное уничтожение русского крестьянства «как класса». Так было записано в партийных планах коммунистов относительно кулачества, на деле же именно кулаки и были самыми трудолюбивыми и зажиточными крестьянами, они давали товарный хлеб стране, а потому – требовали и прав для себя, как для хозяев земли. А это противоречило партийным установкам коммунистов. Потому и потребовалось сокрушить в общесоюзном масштабе этот последний имущий класс в России, взять у него хлеб, чтобы купить на этот хлеб американские заводы и нанять западных инженеров для индустриализации страны, и отнять у него землю, чтобы на этой земле развернуть колхозы и совхозы – форму государственной собственности на способы и продукты земледелия. А неизбежно вызвождающийся при этом обширный контингент обезземеленных крестьян направить на великие стройки социализма, создание индустриальной базы государства.

Мужик, каких на Руси мало

Станислав ЗОТОВ

К 50-летию памяти Василия Шукшина

Во многом это был вынужденный и неизбежный перелом, но как же он исковеркал и искромсал многие русские деревенские судьбы! Постигла эта горькая участь и семейство Василия Макаровича. В 1932 году был расстрелян отец Шукшина крестьянин села Сторости Макар Леонтьевич Шукшин, расстрелян органами ОГПУ вместе с группой других русских крестьян за «антиколхозный заговор», хотя к тому времени он уже работал в колхозе «Пламя коммунизма» и был на хорошем счету, но, видимо, недостаточно ретиво раздвигал это самое пламя. Разумеется, это был чистый произвол, так как и никакого суда над крестьянами не было – расстреляли по решению «тройки» местных комиссаров. Хотели выселить и семью из родного дома, да куда выселять? – выселяли ведь в Сибирь, а Сибирь и без того – кругом... В 1956 году все «заговорщики» были полностью реабилитированы, но ведь долгие годы молодому Шукшину пришлось жить с клеймом «сына врага народа», хотя он сам и был настоящим народом. Подняла его и его сестру Наталью на ноги их мать – Мария Сергеевна (в девичестве Попова), женщина с несгибаемым характером, работящая и деловая. Она записала детей на свою девичью фамилию Поповых (Василий Макарыч впоследствии некоторых своих героев вывел с этой фамилией), чтобы к ним не придирались «органы», сама вышла замуж вторично, стала Кукиной, но её любимый сын никогда не осуждал свою мать за измену памяти отца, он прекрасно понимал, что это был способ выжить, да и отчим оказался порядочным человеком, Шукшин его всегда уважал. Но когда получал паспорт, настоял на возврате ему его отцовской фамилии – и в 16 лет у него уже сложился твёрдый мужской характер.

Да и не удивительно, тяжёлая трудовая крестьянская жизнь, да ещё в военное пихолетье, рано делала из подростков самостоятельных мужчин. В 1943 году Василий поступил в автомобильный техникум в Бийске, хотел связать свою жизнь с машинами и ветром дальних дорог, да в техникуме прознали, что он сын «врага народа», создали невыносимые условия, он вернулся в свою деревню. Но как кончилась война, и как на руках у него оказался паспорт, он бросил свой Алтай и пошёл скитаться по стране, ища свою судьбу. Добрался и до Подмошья, работал на разных промышленных предприятиях, был своего рода гастарбайтером. Тогда ещё не иссяк человеческий материал русской деревни и в гастарбайтеры (или лимитчики, как говорили тогда) шли ещё не таджики, а русские мужики с окраин огромной страны. Особенно известен из его трудовой биографии факт его работы слесарем-такелажником на стройке турбинного завода в Калуге, работал он и во Владимире и в других городах, окрест Москвы, а вот в столицу его не пускали – из-за изъятия в биографии, «сын врага народа». Может тогда у него зародилось неистовое желание покорить «первопрестольную», выйти в знаменитые люди, чтобы Москва склонилась перед ним, мужиком!..

Но прежде предстояло пройти военную службу. Шукшин был призван во флот в возрасте 19-и лет, таков был тогда призывной возраст, призван из подмошьяного Бутово, где работал. То есть он был честным советским гражданином, имел регистрацию в Подмошье и стал там на воинский учёт, и неправы сочинители баек, утверждавшие впоследствии, что он, якобы, чуть ли не был главарём воровской шайки, отчего так хорошо знал нравы уголовников, раскрытые позднее в его «Калине красной». Нравы уголовников Шукшин вполне мог изучить из общения с людьми на стройках, сколько там было тех, кто отсидел в лагерь! Нет, краснофлотец Василий Шукшин отлично нёс свою службу, был на хорошем счету, изучил радиодело и служил в команде флотских радистов, сначала на Балтике, потом на Чёрном море, в Севастополе. Был отличником «боевой и политической», как полагаются, стал кандидатом в члены КПСС!.. А вот это уже важно, алтайский мужик рвался на «социальный лифт», как принято говорить сейчас, стремился выбиться в политическую элиту советского общества, а без членства в КПСС тогда это было невозможно. Но там же в Севастополе он открыл для себя и театр, участвовал в спектаклях флотского драмкружка, играл матросов-анархистов в «Оптимистической трагедии» Вишневского, недаром и первой его эпизодической ролью в кино будет роль революционного матроса, жестоко избитого шашкой лихим казаком Григорием Мелеховым в фильме Сергея Герасимова «Тихий Дон» по Шолохову. Удивительный казус судьбы – и последняя роль Шукшина будет ролью солдата из шолоховского «Они сражались за Родину»... Всё творческий путь художника Шукшина пройдёт между этих вех и характеров нашей истории: разгульная удаль казаков, революционная жёсткость и бескомпромиссность революционеров, почвенническая сущность крестьянства и стремление всё это понять, объединить в мятущейся душе самобытного художника. Не всё ему удалось, но что и удалось – оставило неизгладимый след в нашем национальном сознании.

Легенды, легенды окружают путь алтайского мужика Шукшина в большое киноискусство. Многим и до сих пор не верится, как это неотёсанный мужик «от сохи» да затесался вдруг в круг московской рафинированной творческой интеллигенции? Но если принять во внимание реалии того времени, то ничего удивительного в этом и нет. Искусство должно было быть партийным, как вешали тогда наши идеологи? – Шукшин был в партии. После службы во флоте он экстерном сдал экзамены за курс средней школы, за отсутствием учительских кадров в деревне некоторое время даже преподавал русский язык и литературу в местной школе, был поставлен директором школы сельской молодёжи в родном районе, то есть имел и соответствующую положительную характеристику от начала става. Имел опыт участия в любительских спектаклях, сам начал писать свои первые рассказы. Отчего бы ему было и не поступить в столичный творческий ВУЗ?

Шукшин хоть и женился, а уехал в Москву один, после чего ощутил себя покинутым и начал попивать. Конечно, недолго он оставался один, нашлись другие женщины, такой талантливый мужик один оставаться не должен. Да и актёрская слава пришла к нему после нашумевшего фильма «Два Фёдора», куда режиссёр Марлен Хуциев взял студента ВГИКа на главную роль солдата, возвращающегося с войны и усыновляющего беспризорного мальчика-тёзку, каких было много в то время. Фильм этот и сейчас смотрится с захватывающим интересом, а тогда Шукшин сразу стал звездой экрана.

Но съёмки в фильмах мешали его учёбе на режиссёрском факультете ВГИКа, ведь там нужно было снимать свои фильмы, и он смог окончить ВУЗ только в 1960 году, а ему тогда было уже за 30. Ещё в годы учёбы в институте Василий Макарович серьёзно взялся за литературное творчество. Он стал писать рассказы из сельской жизни, выводил героями своих произведений своих земляков-крестьян. Рассказы его были неумелы с точки зрения литературного мастерства, но он брал другим – знанием жизни на селе и открытием удивительных русских характеров, таких деревенских чудачков, каких не встретишь в других народах. Это было забавно,

Михаил Ромм, известныйший корифей советского киноискусства, любимец Сталина, создатель культовых советских фильмов «Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918 году» набирал в 1954 году свой курс во ВГИКе (Всесоюзный государственный институт кинематографии) и был очень недоволен тем, что на соискателях у него были всё мальчишки и девочки из столичной интеллигенции в розовых платочках и голубых штанишках, жизни не знающие, хотя и очень начитанные. А где взять типаж для советских производственных фильмов о тяжёлом, но и доблестном труде наших передовых рабочих и колхозников? Искусство должно принадлежать народу... этот лозунг никто не отменял. А тут, представьте себе, и является к нему этот самый «народ» от сохи, с Алтая, в кирзовых сапогах, с рабочей биографией, с военной службой за плечами, но и с кандидатским билетом КПСС в кармане! Притом пишет на вступительных экзаменах сочинение по Маяковскому лучше, чем рафинированный интеллигент Андрей Тарковский, сын известнейшего советского поэта Арсения Тарковского! Да это же просто клад – колхозник, рабочий, бывший военнослужащий, партизе, да ещё и в литературе маракует, попробуй такого не прими! И Василий Макарович Шукшин начал свой путь в киноискусство.

Он сразу стал востребован, как типаж человека из народа. И почти сразу стал сниматься в тогдашних более или менее талантливых фильмах. Это ему было нужно в смысле зарабатывания денег, ведь в Москве он не имел ни кола ни двора, нужно было снимать квартиру, жить в общежитии, он был уже взрослый мужчина, самый старший на курсе, хотел жениться. Женился ещё на Алтае в своих Сторостках на местной красавице Марии Шумской, девушке из состоятельной семьи и с претензиями на условия быта. Эти претензии молодой жены и погубили новую семью. Маша не за что не хотела переезжать из богатого дома в Москву на съёмное жильё, и

непонятно для искушённого читателя, но ново и потому интересно. Шукшин открыл свой стиль, а это очень важно для любого писателя, открыл литературному миру своих героев, каких только он мог описать и никто другой. И хотя искушённым знатокам это казалось примитивом, некоторые, как, к примеру, одноклассник Шукшина по режиссёрскому факультету Андрей Тарковский даже считали, что Шукшин сочиняет «сказочки» про русский народ, но литературные журналы начали печатать его немудрёные произведения, похожие на притчи из сельской жизни, и литературная, а не только кинематографическая известность пришла к нему.

Способствовала этому и близкая связь Шукшина с дочерью крупного советского литератора и издателя, главного редактора журнала «Огонёк» Анатолия Софронова Викторией, она стала, по сути, его уже третьей женой, так как перед тем он жил со студенткой ВГИКа Лидией Чашниной, но та не понравилась его матери и роман с ней распался. Вообще до конца своей недолгой судьбы Василий Макарыч, как дитя, слушался свою властную мать, и связывал свою жизнь с теми женщинами, которые нравились его строгой мамаше. Это тоже была такая странная особенность этого удивительного человека, в нём остро жило чувство родства, связи с родом, с родной матерью, как с матерью-сырой землёй. Тоже чисто крестьянская черта в характере. Скульптор Вячеслав Клыков очень ясно уловил эту связь и создал знаменитый образ великого русского мужика Шукшина, изваял свой памятник ему, установленный ныне на горе Пикет у Сросток – исполнявший Шукшин сидит босой на земле и огромные его крестьянские ступни упираются вот в эту самую чернозёмную землю. Колоссальной силы образ!

Виктория Софронова очень помогла Шукшину в отточке его литературного стиля, они вместе работали над сценарием фильма «Живёт такой парень» – первой большой режиссёрской рабо-

той Шукшина, выведшей его в первый ряд известных советских кинорежиссёров. Но личная жизнь у них не сложилась, Шукшин был нестоек перед женским очарованием, а как знаменитый актёр, режиссёр и писатель (у него уже начали выходить первые сборники рассказов) он имел слишком много предложений от женщин, падких на прославленных мужчин. Да, в личной жизни Василий Макарыч разбрасывался, признавался в письмах своей маме (опять маме!): «Я запутался в женщинах, мамаша!». И мама его всегда спасала. Такого большого, несурзального, но гениального ребёнка. И вот только тогда, когда Василий встретил актрису Лидию Федосееву, женщину со сложной судьбой, он нашёл то, что совпало в нём с его внутренним крестьянским пониманием смысла семьи как надёжного своего дома, крепко стоящего на земле.

И последние его знаменитые фильмы: «Печки-лавочки» и «Калина красная» – это были работы, сделанные им вместе со своей женой Лидией, в них ясно виден удивительный сплав их характеров, давший убедительные результаты. В них Шукшин смог полностью раскрыть свой характер, свой мужичий взгляд на мир, взгляд именно русского мужика, всегда в своей жизни решающего один острый и самый главный для себя вопрос: «Надо бы жить по совести!». А по совести на Руси всегда было жить трудно... И Егор Прокудин, последний его великий эпический герой, ведь решил для себя этот вопрос, вернулся от лихой жизни к земле, к почве, к своим истокам. И погиб, убитый пулей бандита, так как грехи прошлого отомстили ему. Ситуацией, разыгранной в этом фильме, Шукшин словно предрёк будущее «тихом» время 90-х годов в России, когда мир криминала стал распространяться судьбами людей в нашей стране. Многие тогда ещё в годы жизни Шукшина не поняли это предсказание художника, а вот – всё сбылось. По совести мы жить в то время так и не начали...

Возможно, судьба и Бог решили подчеркнуть значимость последнего художественного открытия Шукшина и не дали ему возможность создать фильм о Степане Разине, который он мечтал снять всю свою творческую жизнь. Сценарий фильма по роману Шукшина «Я пришёл дать вам волю» уже был одобрен Госкино, но Василия Макаровича отозвал режиссёр Бондарчук для съёмок на Дону в главной роли советского бойца в фильме «Они сражались за Родину». 45-летний Шукшин уже чувствовал неполадки со здоровьем, мучила незалеченная язва, но на сердце он не грешил, не подозревая, что боли в области желудка могут быть связаны с сердечной недостаточностью. А съёмки оказались мучительно тяжёлыми, на жаре, в пыли и ветрах, в полевых условиях донской степи. Режиссёр спешил, была уже осень, заставлял актёров работать по много часов. Измученные исполнители ролей возвращались на теплоточку «Дунай», стоящий у станции Клетской, где была база киноэкспедиции, а там режиссёр запрещал им даже мыться, чтобы они на следующий день съёмки сохраняли вид измученных тяжкими боями советских солдат. Шукшин для поддержания сил пил много крепкого кофе, а это ещё больше перегружало его потрёпанное сердце... Утром 2 октября 1974 года его нашли мёртвым в своей каюте. По полу каюты были разбросаны листки со сценарием его несбывшегося «Степана Разина»...

«К нему ять подступили... Степан хотел лечь сам, но двое подступилих почему-то решили, что его надо свалить; Степан, обложившись, собрал остатки сил и оказал сопротивление. Возня была короткая, торопливая; молча сопили. Степана уронили спиной на два бруса – так, что один брус оказался под головой, другой – под ногами... В тишине туло, коротко тятнул топор – отпала правая рука по локоть. Степан не издал стопа, только удивленно покосился на отрубленную руку. Палач опять взмахнул топором; железное лезвие хищно всплеснуло на зорям солнце белым огнем; смачный, с хрустом, стук – отвалилась левая нога по колено. И опять ни стопа, ни вздоха зромкого... Степан, смертно сцепив зубы, глядел в небо. Он был бледен, на лбу мелкой росой выступил пот.

Фрол, стоявший в трёх шагах от брата, вдруг шагнул к краю помоста и закричал в сторону царя:

*– Государево слово и дело!
– Молчи, собака! – жестко, крепко, как в давние времена, когда надо было стлмить чужую волю, сказал Степан. Глотнул слюну и ещё сказал – тихо, с мольбой, торопливо: – Потерпи, Фрол... родной... Небогло...*

Палач третий раз махнул топором... Гукло, зевасто охнул колокол. Народ московский дрогнул. Вскринула какая-то баба...

*Палач рубил ещё дважды.
Ещё и ещё бил в большой колокол. И язык его – густой, тяжкий – низко плыл над головами людей».*

Мы часто повторяем знаменитую шукшинскую фразу: «Мужиков на Руси много!». Забывая, что говорил её в фильме Шукшина главарь бандитов, убийца. И в его устах это сродни барскому, генеральскому: «Бабы новых нарожают!», или «Лес рубят – щепки летят!». Нет, настоящих мужиков – да ещё с великим талантом – всегда мало, и их надо беречь!